

МЕЛЕК ЭЛЬ-МОДЫ

(Окончание)

Дамангур¹, главный город Бахиреха, окружен, как поясом, рощею пальм и сикоморов², над коими возносятся куполы и минареты мечетей. Шестьдесят французов оставлено было защищать город. Воины сии, воспитанные для морских побоищ, по истреблении французского флота доказали на равнинах Гизе³ и в стенах Дамангура, что ратники их отечества умеют сражаться с одинакою храбростию везде, где только неприятель им встретится.

Начальник их, убедясь в невозможности противиться вооруженной толпе, шедшей против них, послал гонца в Рашид, другого в Александрию⁴, чтоб известить своих генералов об опасности, грозившей городу. Потом заперся с своими шестьюдесятью солдатами в укрепленном доме, где все было приготовлено к сильному отпору.

Между тем феллахи Мелека Эль-Моды заняли Дамангур. Зеленое знамя и полумесяц выставлены были на всех домах, кроме того, где заперлись французы.

Эль-Моды послал вестника к начальнику французов с обещанием ему пощады жизни, если он сдастся военнопленным. Вестник возвратился.

— Ангел божий!— говорил он, приклонясь до земли и ударясь об нее трижды своею чалмою,— един Бог есть бог, Могаммед его пророк, Эль-Моды его посланник! Вот ответ франка: “Пойди, скажи дерзкому обманщику, который тебя

посылает”... (прости мне, ангел божий, что я повторяю слова его).

— Продолжай,— отвечал Эль-Моды. Араб продолжал:

— Скажи ему, что француз умирает, а не сдается*. Лейтенант Мартень командует в Дамангуре: он умрет со всеми своими людьми, прежде чем впустит неприятеля в этот дом...

— Довольно,— перервал Эль-Моды,— пусть же умирают!

Тогда *текбир*, повторенный на улицах города, собрал воинов на площадь.

— Правоверные! — вскричал грозный ангел,— к оружию: нападите на франков в последнем их убежище! Помните, идучи в бой, что вера в бога сотворит вас невредимыми.

Громкие вопли были ответом на слова сии. Арабы и *феллахи* приступили к самым окопам французов. Дом был окружен со всех сторон, и со всех сторон сыпался из него град пуль. Земля была усеяна трупами. Арабы отступили и спрашивали друг друга: “Где же невредимые?”

Вдруг Эль-Моды стал перед ними. Он был весь обнажен. Сабля была у него в левой руке, а в правой держал он топор. “Благословим аллу,— сказал он лишившимся бодрости своим воинам,— сам он отделил добрых от худых. Неверующий в Бога да удалится, если не хочет умереть, как те, которые лежат здесь на песке. Славен Бог! вперед!”

Он пошел первый, и все за ним, одушевленные новым жаром; напрасно пули

* Черта историческая.

поражают многих из них: остающиеся еще более уверены, что их нельзя ранить. Они приступили к самым стенам. Эль-Моды рубит дверь своим топором, дверь падает — и арабы бросаются в дом, где начинается новая сеча. В сию минуту Эль-Моды слышит отдаленный звук труб и барабанов. Алфена, презирая все опасности, бежит возвестить ему, что на равнине виднеется ополчение пеших и конных людей, идущее к городу.

Эль-Моды собирает арабов, которые

65

не ворвались в дом, занятый французами, вскакивает на своего коня, подведенного Алфеной, и готовится идти в бой с неведомым неприятелем. Когда он выезжал из города с своими сподвижниками,— вдруг раздался страшный треск. Мелек обернулся: ужасный взрыв истребил победителей и побежденных (ибо французский офицер сдержал свое слово: он умер), и пламя пожирало остатки дома.

— Славен Бог! — вскричал Эль-Моды испуганным своим воинам.— Славен Бог! Дамангур освобожден от франков.

— А братья наши погибли, несмотря на твое обещание,— проговорил грубым голосом один старый араб, не столь ослепленный, как его товарищи.

— Старик безверный! разве я обещал жизнь маловерам? — надменно отвечал ему Эль-Моды.

— Ангел божий!— подхватил упорный старик,— что для нас истребление шестидесяти франков, когда рать гораздо сильнее идет на нас?

Зрение Эль-Моды было зорче, нежели ослабшие глаза старика: он узнал тех, которые шли по равнине.

— Кто сказал тебе, что это франки?.. А если это наши друзья, тогда что ты скажешь?

Старик, изумленный сею уверенностью, пробормотал какие-то слова, которых Эль-Моды вовсе не слушал.

Вдруг ангел возвысил свой голос. “Правоверные,— сказал он,— прославьте Бога! Вот и братья идут сражаться за вас”.

И действительно пришли: Осман-Эль-Бардиси с пятьюстами мамелюков, старый шейх⁵ джеувабисов с тремястами конных ратников своего колена, юный бей арабов баркских с осмьюстами всадников и тысячью пеших воинов и три шейха, уалдалисов, анадисов и фoadисов, из коих каждый привел двести человек конных и сто дромадеров. Все сии военачальники, встреченные радостными кликами *феллахов* бахирехских, стали вокруг Мелека Эль-Моды и вошли в город вместе с ним.

Между тем весть о взятии Дамангура промчалась по Египту вместе с вестью о появлении грозного Эль-Моды. Мусульмане, согбенные игом завоевания, подняли голову вверх: скоро вострепещут завоеватели! Эль-Моды с своим воинством скоро покинет Дамангур и пойдет на Дельту⁶.

Генерал Дюгюа в Каире, генерал Мар-мон^{*7} в Александрии, генерал-адъютант Жюльен в Рашиде, генерал Ланюсс⁸ в Шаркиехе и генерал Фюжьер в Гарбиехе узнали в одно время о победе и появлении Эль-Моды.

А он? он быстро несется вперед с правоверными. Вотще французы на него нападают: что могут сделать несколько человек против целого войска? храбрость одна не дает победы. Лефевр⁹ отступил в Раманиех¹⁰; Редон возвратился к своему полководцу в Александрию.

Эль-Моды шел победоносцем по Бахиреху; он протек сию область как повелитель. Войско его усилилось, как большая река, поглощающая в своем течении воды всех рек окрестных.

Наконец он прибыл в плодородную долину Сангурскую, в тот час, когда восходящее солнце рассевало туман росы. Долина была покрыта пожелтевшею жатвой. Пальмы, отягченные плодами, укрывали под своею зеленью белые дома города, коего только высокие минареты возносились над зеленою рощей. Эль-Моды увидел развевавшееся знамя; он понял, что скоро должно было завязаться сражение. Войско его приостановилось. Молитва совершена была посреди поля, и как не было воды, то арабы употребляли песок на первое из пяти омовений,

* Нынешний дук Рагузский, маршал и пэр Франции.

заповеданных законом Могаммедовым¹¹. За сим, по знаку небесного своего вожатая, войско двинулось вперед.

Скоро увидело оно отряд французов, предводимый храбрым Лефевром*: отряд сей построен был в каре, четыре пушки, поставленные на небольшом холме, защищали его движения.

Правоверные готовились окружить сей слабый отряд; и тогда началась ужасная битва, еще более ужасная стройною храбростию одних, числом и буйною отвагою других. Семь часов сряду гром пушек не умолкал на мирных полях сангурских. Девять раз бесстрашные мамелюки бросались на каре французов, чтобы его разорвать; и девять раз их усилия оставались тщетными. Шейхи, окружавшие Мелека, почти все были изранены. Абдаллах-Баши и Ибрагим Чорбаджи, шейхи дамангурские, и Мурад-Абдаллах, шейх анадисов, были убиты.

Эль-Моды печально смотрел на сию обширную равнину, где пажити, зыблемые ветром, являли образ волнующегося моря, и на сей отряд французов, который, подобно твердой скале, противоборствовал всем натискам. Еще минута — и плоды всех подвигов, и надежда мщениия погибли бы для Мелека. Уже шейхи роптали, и взоры старика, говорившего с ним у ворот дамангурских, были снова на него устремлены и как бы вопрошали его. Вдруг несколько слов, сказанных тихо, отозвались в его слухе: “Гассан, хочешь ли победить?” Он

* Lefebvre, впоследствии умерший дюком Данцигским и маршалом Франции.

взглянул на говорившего сии слова; то была Алфена: “Собери воинов твоих вокруг себя, и я доставлю тебе победу”.— “Но как?”-“Увидишь”.

Арабы стеклись на призыв своих вождей и стали вокруг Эль-Моды. Уныние поселилось в них: они не победили. Эль-Моды проскакал по рядам воинов, говорил с старцами. Его уверенность, удерживая их негодование в пределах, не возвратила им, однако ж, доверия к нему: они сговорились уйти. Эль-Моды вскрикнул: “Маловеры! вы сомневаетесь в могуществе аллы? Я обещал вам победу: вы ее получите”.

В сие мгновение столп огненный поднялся на равнине; он обхватил пажити, он быстро развился и, гонимый ветром, побежал в вихре клубистого дыма. Он скрыл французов от глаз арабов. Эль-Моды торжествовал: “Кто еще усомнится в словах моих?” И воины его, изумленные чудом, поверглись к ногам Мелека. Один стоял он посреди пятнадцати тысяч ратников, распростершихся на прахе, и между тем пламя покрывало долину. Алфена подле него. “Гассан,— сказала она,— женщина не бесполезна тебе”. Гассан отблагодарил ее взором и улыбкой.

Когда войско, все без исключения преклонившееся пред Эль-Моды, встало по его велению, тогда увидело оно вдали французов, бежавших от пламени, которое гналось за ними. Пушки уже не гремели по долине, и знамя, развевавшееся поутру на мечети Сангура, было сброшено с нее жителями.

Сия победа над воинами, кои дотолѣ были непобедимы, прославила имя Эль-Моды по всему Египту. Какой маловерный мусульман мог сомневаться в небесном посольстве того, кто был предназначен к освобождению отчизны, когда в долине Сангурской пятнадцать тысяч свидетелей видели пламя, ниспавшее с неба по его гласу к уничтожению рати врагов?

Лефевр снова заперся в Раманиехе. Эль-Моды возвратился в Дамангур, дабы приуготовить там освобождение Египта и ожидать помощи от Мурад-бея. В сем-то городе явилось в полном блеске вышнее назначение Мелека.

67

Феллах и доньне рассказывает, что никакою пищею не подкреплялось невещественное тело его. Вместо всякой яствы, он только обмакивал пальцы свои в сосуд молока и слегка потирал ими уста свои. У него были несчетные сокровища: золото, лившееся свыше, всегда готово было для щедрот его; и, благодаря ему, самый бедный араб мог узнать вид и вес цеккина.

Между тем французские генералы с беспокойством слышали о его победах. По приказанию генерала Мармона, часть гарнизона рашидского пошла в Раманиех для присоединения к отряду храброго Лефевра. Генералы Ланюсс и Фюжьер, посланные генералом Дюгюа, комендантом Каира, также пошли туда, один из Дельты, другой из Гарбиеха.

Генерал Ланюсс принял начальство над соединенными войсками французов и повел их к Дамангуру.

Эль-Моды вышел за несколько дней пред тем из Дамангура навстречу арабам сивахским¹², которые шли присоединиться к его войску. Он узнал, что французы взяли направление на сей город, который он назначил местом соединения для дружин своих: он возвратился туда, но пришел уже только для того, чтоб видеть пожар, истребивший несчастный сей город.

Отчаянное сопротивление небольшого числа арабов не воспрепятствовало французам ворваться в Дамангур. Когда они увидели на площади почерневшие от порохового взрыва развалины дома, в котором погиб лейтенант Мартень с храбрыми своими сподвижниками, то почувствовали неуголимую жажду мщения. Не внемля голосу своих генералов и офицеров, они перерезали всех сообщников Эль-Моды, взятых ими в плен. Жители Дамангура, встретившие радостными восклицаниями посланника небес, также не были пощажены. Они первые подали всей области Бахирехской пример к восстанию против своих завоевателей: мужчины, женщины и дети — все были преданы мечу, и сожженный город являл только страшную грудку камней, пепла и трупов.

При виде сего позорища опустошения, сего столпа пламени, подымавшегося вверх наподобие пирамиды и красноватым своим заревом придававшего небесной лазури мрачный цвет крови, слеза выкатилась из очей ангела-

освободителя. Одно, только одно слово вырвалось из уст его, и это слово: *мщение!* повторенное всем его войском, смешалось с грозным *текбиром*.

Никогда Эль-Моды не явился столь великим, как в этот день, долженствовавший решить судьбу Египта. Он построил своих арабов в боевой порядок, знакомый только европейским полководцам. На белом коне своем и в сопровождении верного своего *ичоглана* разъезжал он по рядам и ободрял своих воинов. Голос его отдавался звуком сверхъестественным. Он возвещал войску о великом чуде, долженствовавшем совершиться в тот день,— и полные огня глаза его, одушевленные мстостью и любовью к отечеству, казалось, обещали его сподвижникам верную победу.

Знак подан, и в час, когда пламенное солнце, достигнув самой высоты небес, бросает отвесно лучи свои, загорелось сражение. Оно было ужасно; Эль-Моды повсюду являлся в первых рядах. Повсюду, где больше было опасности, громовый голос его пробуждал отвагу в воинах и обещал им победу или награду мучеников. И хотя посланник аллы и юный спутник его были всегда под самым сильным огнем неприятельским, но пули, как бы щадя их, пролетали мимо.

Солнце, совершая путь свой, покинуло небосклон египетский; при бледном зареве дотлевавшего Дамангура оба войска все еще сражались с таким ожесточением,

что первые лучи сего светила, возродившегося на другой день из недр Аравийского моря, конечно бы снова осветили непрекратившийся еще бой, когда бы в ночи ужасный ураган не притек и не принудил сражавшихся разойтись.

Французы провели ночь на поле битвы, удержав занятые ими позиции. Арабы оставили долину Дамангурскую и ушли в степь. Эль-Моды уже не было с ними. Французы утверждали, что пуля, посланная из их рядов, убила Мелека; но тела его не нашли между трупами, и арабы уверяли, будто бы во время бури, насланной им, дабы способствовать их отступлению, он вознесся снова на небеса.

Один французский офицер, смертельно раненный и вынесенный потом с поля сражения, сказывал, что в ночи исполинского роста араб, пораженный пулею, пал мертв подле самого того места, где офицер сей боролся с смертию; что у араба был белый конь, который, видя всадника своего упавшего, остановился подле трупа его и жалобно заржал. Офицер, почти умиравший, смотрел без дальнего внимания, однако ж ему показалось, будто бы какой-то юноша, подъехав к трупу, зарыдал, поцеловал его, приподнял от земли и привязал к белому коню; потом все они исчезли.

Юной Алфены никто уже не видал в Египте после того, как Мелек Эль-Мо-ды скрылся.

Когда лета и горести свели в могилу мать Гассанову, тогда вскрыли гробницу, в которой покоились муж и одиннадцать сынов ее, и тело ее положили в порожний гроб, для нее назначенный;

после того дверь гробницы была закладена навеки.

Старый невольник дома Гассанова вспомнил, что в могиле должны были оставаться два пустые гроба, а ему показалось, что нашли только один, но уважение, питаемое к усопшим, не дозволило ему удостовериться в истине своих сомнений.

Когда странник-феллах приходит на поклонение в мечеть Мохазема, близ коей сооружен надгробный памятник рода Гассанова, то спрашивает у Сайгона, стража гробниц: для чего тринадцать каменных чалм иссечено на гробнице, в которой смерть собрала только двенадцать мужчин? и Сантон молчит; ибо он не знает, какая неведомая рука в одну летнюю ночь поставила сию тринадцатую чалму.

С фр.— Сомов.